

ПОСЛЕДНИЕ ЕДИНОЛИЧНИКИ В ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ (Статья 2)

В статье рассказывается о состоянии единоличных крестьянских хозяйств в Псковской области в первые годы после Великой Отечественной войны, т. е. сохранившихся в условиях завершённой сплошной коллективизации. Рассматриваются вопросы об их экономическом положении, мероприятиях партийных и советских органов по окончательной ликвидации единоличных хозяйств.

Ключевые слова: единоличное хозяйство, доходность, налогообложение, животноводство, выселение, колхоз, недоимка.

A. V. Filimonov

THE LAST INDIVIDUAL PEASANTS IN THE PSKOV REGION (Article 2)

The article describes the condition of the individual peasant farms preserved under complete collectivization in the Pskov region during the first post Great Patriotic war years. It discusses the issues of individual peasant farms economic condition, communist party and soviet bodies' measures aimed at their final liquidation.

Key words: individual peasant farm, profitableness, taxation, cattle-breeding, eviction (expulsion), collective farm (kolkhoz), arrears.

Все статьи дохода единоличников — как земледельческие, так и рыночные и неземледельческие, государство облагало налогами — не только подоходным, но и многими другими, как взимало сборы и по самообложению. При этом обложение было дифференцированным. Тем, кого власти относили к числу «честных единоличников», была предоставлена полная возможность заниматься индивидуальным хозяйством, и по мнению власть предержащих, они по мере осознания бесперспективности такого пути вступят в колхоз или уйдут в город. По отношению к тем, кто стремился использовать единоличное хозяйство «в целях наживы», проводилась политика усиленного налогообложения. Для единоличных хозяйств, имевших «нетрудовые доходы» (т. е. отнесенных к категории кулацких), а также для лиц, не ведущих сельского хозяйства и имевших «нетрудовые» доходы, был установлен минимальный размер подоходного налога в 150 руб., не имевшие полевого посева и рабочего скота вносили 40 руб., а располагавшие тем и другим — 75 руб. Как правило, на деле размеры налогов оказывались выше, потому что учитывались не только посевные площади и наличие скота, но и все другие виды доходов. Хозяйства инвалидов 1-й и 2-й группы, а также престарелые, сироты и женщины, потерявшие в годы войны мужей, при отсутствии трудоспособной рабочей силы пользовались льготами или же вовсе освобождались от налога [1, ф. 1810. оп. 1. д. 155. л. 95, 299]. Рано или поздно такие хозяйства должны были отмереть. Но при всем этом последним оказывалось уплатить налог очень трудно, поэтому хроническим явлением всех послевоенных

лет стали недоимки. Так, по итогам 1949 г. за единоличными хозяйствами их числилось немало: за хозяйствами инвалидов (58 хозяйств) — на 49 тыс. руб., престарелых (937 хозяйств) — на 872 тыс., сирот (37 хозяйств) — на 28 тыс., вдов (198 хозяйств) — на 121 тыс. руб. [1, ф.1810. оп. 1. д. 155. л. 299]. Недоимки числились не только за указанными категориями хозяйств, но и за всеми остальными, и взыскание их являлось одной из главных забот финансовых органов. Облфинотдел, например, уже 12 апреля 1947 г. предложил всем районным отделам резко усилить работу по взысканию недоимок, а еще через месяц, 19 мая вновь напомнил об этом, рекомендовав принимать самые строгие меры вплоть до описи имущества. К подобным крайним мерам финансовые органы нередко прибегали, порой даже с грубыми нарушениями закона. Так, например, у единоличника Белова из деревни Поддубно Славковского района участковый страховой инспектор описал корову с теленком и сразу же без решения суда произвел их изъятие [1, ф. 1810. оп. 1. д. 78. л. 177–178].

Гораздо чаще подобного случая финансовые органы проявляли нерасторопность, не только не имея ясного представления о количестве единоличных хозяйств, но и запутывая дела со взысканием платежей, порой неправильно исчисляя их размеры и ошибочно применяя право на льготы. В 1948 г. в Дедовичском районе, например, шесть хозяйств единоличников оказались обложенными на одинаковых условиях с хозяйствами колхозников, в пяти единоличных хозяйствах был допущен недоучет рыночных доходов, а трем хозяйствам неправильно предоставлены льготы. В Дновском районе рыночные доходы были учтены только в 0,7 % облагаемых единоличных хозяйствах, в Середкинском районе льготы были предоставлены необоснованно 8 единоличным хозяйствам, и т. д. [1, ф. 1810. оп. 1. д. 155. л. 130–131]. Но эти недостатки и промахи не заслоняли того, что финансовые органы не упускали возможности любой ценой увеличить поборы с единоличников, облагая все получаемые ими доходы и пополняя тем самым государственную казну. За 1948 г., например, только с рыночных доходов единоличных хозяйств была взыскана сумма, вчетверо превышающая показатель предыдущего года [1, ф. 1810. оп. 1. д. 161. л. 37]. В райцентре Ашево в 1949 г. обнаружилось, что единоличник Николаев систематически занимался валяльным промыслом и имел даже специальное оборудование. При проверке облфинотделом этого факта было обнаружено 12 пар готовых валенок и на три пары не переработанной ещё шерсти, в результате к прежнему налогу от земледельческих и рыночных доходов в размере 1805 руб. была добавлена дополнительная сумма в 760 руб. [1, ф. 1810. оп. 1. д. 194. л. 4].

Суммы налогов с единоличников были немалыми, но все же меньшими по сравнению с новыми районами области — Печорским, Пыталовским и Качановским, где, правда, и доходность их была гораздо выше:

Таблица 5

Сведения о налогообложении единоличных крестьянских хозяйств

Показатели	1950 г.	1951 г.	Увеличение/ уменьшение
Средняя сумма дохода на единоличное хозяйство (руб.):			
- в коренных районах	2503	1390	– 663
- в новых районах	7730	4283	– 3497

Средняя сумма с/х налога на хозяйство:			
- в коренных районах	565	358	– 207
- в новых районах	3018	1662	– 1356

Ист. сведений: ГАПО. ф. 1810. оп. 1. д. 222. л. 44

Резкое сокращение доходности единоличных хозяйств в новых районах в указанные годы (1950–1951 гг.) связано, прежде всего, с развернувшейся коллективизацией, в то время как в «старых» — с уменьшением мощности единоличных хозяйств и постепенным сокращением их численности. В том и другом случае уменьшалась и сумма налогообложения, имевшая следствием сокращение общего размера платежей. В «старых» районах области она сокращалась неуклонно, что видно из таблицы 6.

Таблица 6

Динамика совокупных доходов единоличных хозяйств, облагаемых налогами

Годы	Общий размер облагаемого дохода (тыс. руб)
1948	7020,8
1949	4587,5
1950	4479,9

Ист. сведений: ГАПО. ф. 1810. оп. 1. д. 69. л. 10–11; д. 155. л. 275; д. 183. л. 1.

Возможности единоличных хозяйств сокращались и потому, что государственные органы, имея в перспективе задачу полного их исчезновения, постоянно привлекали членов семей единоличников (наиболее работоспособную их часть) на различные работы вне своего хозяйства, а также на постоянную и сезонную работу в промышленность, строительство и на транспорт. В 1947 г., например, планировалось привлечь на разные работы до 4000 чел. из единоличных хозяйств, и еще до 1000 чел. на постоянную работу, а в 1948 г. — соответственно 4000–6000 и 2000 чел. Число привлекаемых на сезонные работы (например, лезоразработки и др.) колебалось в эти годы в пределах 2000–4000 чел. [2, ф. 1219. оп. 1. д. 395. л. 206]. «Вымывание» из хозяйств рабочей силы с одновременной агитацией оставшихся единоличников за вступление в колхозы в сочетании с политикой налогообложения было до 1950 г. главным средством борьбы за «завершение сплошной коллективизации». С 1950 г., когда в области прошло укрупнение колхозов, и хозяйства единоличников оказались на территории больших колхозных массивов, власти посчитали дальнейшее сохранение их нетерпимым. Поэтому меры в отношении единоличников стали более решительными.

Началось с того, что 27 мая 1950 г. Представитель Совета по делам колхозов при Правительстве СССР по Псковской области Д. Лосев направил в обком ВКП (б) и облисполком пространную записку о сохранении в большом количестве единоличных хозяйств в одном из районов — Новоржевском, на который уже обращалось внимание в 1946 г. «В Новоржевском районе, где коллективизация в основном завершена 18–20 лет назад, как это ни странно, до сих пор сохранились деревни с единоличными

крестьянскими хозяйствами, и каких-либо мер к их коллективизации не принимается, — писал он. — Имеется 11 деревень, целиком состоящих из крестьян-единоличников. Одной из таких деревень, под названием Вешалиха, мы поинтересовались и что оказалось: в деревне проживает 22 крестьянских хозяйства с населением 62 чел., из них 27 чел. трудоспособных, 19 хозяйств имеют полевую землю, 5 хозяйств наделены полевой землей в 1948 г., все имеют приусадебные участки в три-пять раз превышающие законную норму (0,20 га), 20 хозяйств имеют крупный рогатый скот, 7 хозяйств — овец, три хозяйства — свиней, каждое третье хозяйство имеет лошадь — на день проверки было 5 рабочих лошадей.

Староста села, Иванов Поликарп Павлович, используя фиктивный раздел с сыном, в личном пользовании имеет 2 га полевой земли, рабочую лошадь, 2 коровы и другой мелкий скот. Второй надел он получил в 1948 г.

Это лицо, никому не скрывающее своей неприязни к колхозному строю, у райкома и райисполкома пользуется особым расположением, последние ежегодно заключают с ним договоры на заготовку сена и его охрану. На лугах, лишь формально закрепленных за райкомом и райисполкомом, фактическими хозяевами были крестьяне этой деревни. Там пасся их скот, там они заготавливали себе сено, часть сена даже продавали колхозникам соседней деревни. На мой вопрос, «а в колхоз вступить вам не предлагали», последовал ответ: «слава Богу, нет».

Председатель райисполкома Андреев, узнав 2 апреля, что район будет подвергнут серьезной проверке по вопросам колхозного строительства, 8 апреля принял решение о передаче колхозу «Новая жизнь» всей земли, используемой крестьянами д. Вешалиха, и сенокосных участков, ежегодно используемых райкомом и райисполкомом. 10 мая проверили, и оказалось, что все по-старому, решение принято для отвода глаз. В колхозе «Новая жизнь», расположенном на расстоянии 1 км от д. Вешалиха, эти добрососедские отношения районных органов с единоличниками хорошо известны, и колхозники зло высмеиваются.

Проверяя другие населенные пункты, где имеются единоличные хозяйства, невольно убеждаешься, что в Новоржевском районе с этим делом неблагополучно. Здесь свыклись с фактом наличия в районе большого количества единоличных хозяйств, как с неизбежным злом, и ничего не предпринимается к его ликвидации. Целые деревни — Вешалиха, Зимник, Большие Баксты, Малые Баксты, Жигариха и др., сотни единоличных хозяйств проживают на хуторах и землях колхозов, в самих колхозных селах, постоянно наносят вред колхозам — травят луга, посева, выкашивают сенокосы, но этого никто не замечает, проявляется преступная снисходительность...

Колхоз «Свобода» объединяет 90 хозяйств, а единоличников здесь живет 21 хозяйство. Большинство из них ведут антиобщественный паразитический образ жизни. Семья Трофимовой Анны Тимофеевны проживает в хозяйственном центре колхоза: самой 47 лет, сыну 25, снохе 21, никто нигде не работает, на дому никаким кустарным промыслом не заняты, в 1949 г. оплатили налог: деньгами — 740 руб., мяса — 80 кг, молока — 320 л, содержат корову, три овцы, кур. Скот пасется в соседнем колхозе «Михалкино», а сено выкашивают на землях не восстановленного колхоза. Семья Алексева Ивана Михайловича в д. Заборье этого же колхоза: самому 56 лет, жене 60, дочери 26, сыну 18, другому сыну 15. Никто нигде не работает, кустарным промыслом не занимается, в 1949 г. оплатили налог: деньгами — 900 руб., мяса — 80 кг, молоко — 320 л, яйца — 65 шт., имеют корову, овец, поросенка, кур. Скот пасется

в колхозе «Гускино» за отработку на льне, сено накашивают в отделении совхоза «Вехно». Семья Крючкова Ильи Васильевича в той же деревне: самому 52 года, жене 49, оба трудоспособные, в хозяйстве ничего нет, сам кой-когда работает плотником, жена не работает.

В другом колхозе — «Красное Селюгино» — 6 хозяйств единоличников и околоколхозников. Среди них семья Васильева Василия Петровича — д. Барканы, самому 55 лет, жене 55, сыну 20, другому сыну 17 и дочери 17, все здоровые, но никто нигде не работает, никаким кустарным промыслом на дому не занимается, приусадебного участка нет, живут за счет того, что сорвут с колхоза. Вот и в этом году дочь подрядилась пасти в колхозе телят за 69 пудов хлеба.

В колхозе «Яковлевское» в д. Пикали проживает семья Богданова Николая Максимовича — 54 года, жене 47, сыну 26, снохе 24, у них двое детей, другому сыну 19. Никто нигде не работает, кроме избы ничего нет, занимаются халтурой, обманом колхозников. Так, в 1949 г. нанялись перестроить дом у колхозницы Андреевой из колхоза «Звезда», деньги взяли, а работу не исполнили.

В колхозе «Болохово» проживают 5 единоличных хозяйств. У единоличницы Никитиной А. (родственницы председателя колхоза) имеются в хозяйстве две коровы, бык двух лет, два теленка, 13 голов овец, свиноматка с приплодом. Скот пасется на колхозном пастбище вместе с колхозным скотом. Постоянного пастуха в колхозе нет, скот колхоза, колхозников и единоличников пасется вместе, колхозный скот поочередно доверяют пасти единоличникам.

Приходилось очень много со всеми беседовать, спрашивать, почему они до сих пор не определили своего положения — быть ли им колхозниками или уехать в город и стать рабочим. Следовал стереотипный ответ: «А разве так нельзя жить?». Оказывается, никто из них не знает Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 г. — он был применен в районе только в трех случаях, и то в отношении семей колхозников.

Партия и правительство постоянно требуют от партийных и советских органов создавать обстановку ненависти и общественного презрения к нетрудовым элементам, вести с ними решительную борьбу. Это важное требование в Новоржевском районе не исполняется. Райком партии и райисполком допускали серьезные ошибки. Они недооценили того огромного вреда, принесенного колхозам наличием в районе большого количества единоличников и околоколхозников, не вели работу по вовлечению их в колхозы, а в отношении явно антиобщественных паразитических элементов не применяли Указ от 2 июня 1948 г. и этим объективно способствовали активизации частнособственнических тенденций...» [1, ф. 1836. оп. 1. д. 20. лл. 182–185; 2, ф. 1219. оп. 1. д. 1076. лл. 125–128].

Обком ВКП (б) и облисполком отреагировали на эту записку очень быстро: уже 31 мая 1950 г. вышло их совместное постановление «О мерах по вовлечению единоличных крестьянских хозяйств в колхозы в районах сплошной коллективизации». Приведя множество примеров из докладной записки Д. Лосева, и заметив, что единоличных хозяйств много и в других районах области — Ашевском, Пожеревицком, Славковском, Сошихинском, Дедовичском, Дновском и др., они обязали районные организации «провести работу по вовлечению в срок до 20 июня всех хозяйств единоличников в колхозы» [1, ф. 903. оп. 1. д. 666. л. 100–101; 2, ф. 1219. оп. 1. д. 803. л. 177].

О принятом решении был информирован ЦК ВКП(б). «В условиях Псковской области, — подчеркивалось в письме на имя Г. М. Маленкова, — одной из причин, тормозящих укрепление и развитие общественного хозяйства колхозов, является наличие в ряде районов значительного количества единоличных хозяйств, которые своим антиобщественным, паразитическим образом жизни разлагающе влияют на колхозников и тем самым препятствуют укреплению трудовой дисциплины в колхозах и ликвидации частнособственнических тенденций отсталой части колхозников.

По данным налогового учёта в основных районах области (кроме трех новых районов) насчитывается свыше 2,5 тыс. единоличных хозяйств, причем наибольшая часть этих хозяйств имеется в Новоржевском районе — 479, Ашевском — 359, Славковском — 180, Сошихинском — 175. Единоличные хозяйства, проживая в колхозных селениях в непосредственном соседстве с колхозниками, приспособляются к условиям, ведут паразитический образ жизни и ни в коей мере не проявляют тенденций к вступлению в колхоз...».

Далее следовали уже приводившиеся ранее примеры «зажиточного» состояния единоличных хозяйств в условиях того самого «паразитического образа жизни» и «разлагающего» влияния их на колхозников.

«Одной из причин экономической жизнеспособности единоличных хозяйств является низкое налоговое обложение этих хозяйств, — утверждали далее Псковский обком ВКП (б) и облисполком. — Существующая система обложения единоличных хозяйств по нормам и ставкам для колхозников с надбавкой в 100 %, ни в какой мере не является экономическим стимулом к их коллективизации, т. к. большинство единоличных хозяйств легко выдерживают средний размер. Обложение сельскохозяйственным налогом в 600–700 руб. они свободно покрывают за счёт разного рода нелегальных, совершенно не поддающихся учету доходов...».

«В целях ликвидации такого положения и создания экономических условий, которые бы способствовали быстрой коллективизации оставшихся единоличников», обком партии и облисполком считали «необходимым поставить вопрос о пересмотре порядка обложения сельскохозяйственным налогом единоличных хозяйств в сторону увеличения этого обложения по сравнению с колхозными хозяйствами, по меньшей мере в 4 раза, рассмотрев при этом перечень имущества единоличников, на которое может быть обращено принудительное взыскание» [1, ф. 1810. оп. 1. д. 194. л. 311–313].

Областные органы в своем утверждении об относительно невысоком налоговом обложении единоличников, — мало отличавшемся от других категорий населения, были правы. К тому же последовавшее в 1949–1950 гг. увеличение налогообложения тоже коснулось всех. Если в 1949 г. средняя сумма налога, начисленного на хозяйство колхозника, составляла 427 руб., рабочего и служащего — 283 руб., а единоличника — 476 руб., то в 1950 г. — соответственно 536, 299 и 546 руб. [1, ф. 1810. оп. 1. д. 183. л. 2]. И псковские руководители решили хотя бы частично «исправить» такую «несправедливость», обложив дополнительным налогом некоторые статьи дохода единоличников.

На основании Закона Верховного Совета СССР от 21 августа 1938 г. «О государственном налоге на лошадей единоличных хозяйств», Псковский облисполком 14 августа 1950 г. по собственной инициативе принял решение «О проведении в 1950 г. государственного налога на лошадей единоличных хозяйств в сельской мест-

ности Псковской области», которым установил размер налога на каждую лошадь старше трех лет — 300 руб., а за каждую следующую в одном хозяйстве — 800 руб. [1, ф. 903. оп. 1. д. 658. л. 198].

Лошадей — основной тягловой силы в сельском хозяйстве, у единоличников было крайне немного: на всю область в 1950 г. их приходилось 27 голов (см. таблицу 3). Все они были учтены и обложены налогом. Больше всего их оказалось в хозяйствах Новоржевского района — 10, за которых было начислено 5000 руб. налога, в Островском районе на 4 лошади — 2000 руб., в Сошихинском на две головы — 1000 руб., а также на поголовье их в Ашевском, Псковском и Палкинском районах. У единоличников всех других районов их вообще не было [1, ф. 1810. оп. 1. д. 161. л. 69]. Результат сказаться не замедлил: единоличники стали быстро избавляться от имевшихся лошадей, и в следующем, 1951 г. их осталось на область всего пять (таблица 3).

Вновь обращалось повышенное внимание на взыскание с единоличных хозяйств недоимок, а в ряде районов решили в полной мере использовать Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 г. Если по отношению к колхозникам действие его в 1949–1950 гг. всё чаще сводилось к предупредительным мерам, т. к. на местах убеждались в малой его эффективности, то в отношении единоличников по-прежнему практиковались выселения. Особенно активно Указ применялся в Новоржевском районе, который более других подвергся критике за наличие большого количества единоличных хозяйств, и «непартийную практику» руководства которого в самой категоричной форме осудил обком ВКП (б).

22 июня 1950 г., например, сельский сход деревни Гускино Юхновского сельсовета в присутствии секретаря райкома вынес решение о выселении единоличника Анисима Ильича Иванова, 1907 г. рождения. «В то время, когда колхозники идут на сеноуборку и привлекают к труду всех работоспособных людей, — говорилось на сходе, — Иванов Анисим, а также его жена смеются над колхозниками. В то же время Иванов и другие пользуются бесплатно колхозными пастбищами, есть случаи потравы колхозных посевов. Эти люди косят сено на землях колхозов или госфондов, продают сено колхозникам, раздувают свое личное хозяйство, и в то же время уклоняются от государственных платежей. Иванов А. — бывший немецкий староста, и сейчас хочет жить на нетрудовые доходы...».

Иванов А. в годы войны действительно проживал на оккупированной территории — в деревне Сухарево Новоржевского района, был старостой, после освобождения района в марте 1944 г. был призван в Красную Армию, но в том же году демобилизован. После войны занимался побочными заработками по плотницкой части, имел дом с надворными постройками, приусадебный участок площадью 0,15 га, сад из 10 яблонь, корову, телку, овец и три улья пчел. На сходе Иванов заявил, что «хочет работать на производстве, а колхозу его семья не мешает». При голосовании 16 присутствующих проголосовали за выселение, а 14 воздержались.

В тот же день в колхозе «Свобода» того же Юхновского сельсовета были вынесены общественные приговоры о выселении единоличников А. И. Ивановой и И. Е. Васильева, а в сентябре 1950 г. в колхозе им. Горького Бабахинского сельсовета — В. А. Федорова, И. Е. Лебедева и Я. Ф. Федорова [2, ф. 1219. оп. 1. д. 1069. лл. 2, 6, 9, 10, 26, 27].

21 октября 1950 г. Новоржевский райком ВКП (б) докладывал обкому партии о выполнении постановления «О мерах по вовлечению единоличных крестьянских хозяйств в колхозы в районах сплошной коллективизации». Из него следует, что вопрос был рассмотрен 31 июля на заседании бюро райкома, 8 августа специально был созван пленум, в районе велась массовая разъяснительная работа по вовлечению в колхозы, в населенных пунктах, где проживало большое число единоличников, были проведены собрания, райисполком и райфо по каждому единоличному хозяйству проверили правильность пользования приусадебными участками, полевой землей и сенокосами, обложения натуральным и денежным налогом. В результате был выявлен и от 69 хозяйств изъят «излишек»: 7,84 га приусадебной и 52 га полевой земли, райфо в принудительном порядке взыскал 10904 руб. 75 коп. недоимок по денежным платежам, от 15 хозяйств изъял за недоимки прошлых лет 15 голов скота, а в отношении 15 хозяйств — «злостных неплательщиков» — дела были переданы в суд с последующим осуждением; 11 единоличников, как лиц, «уклоняющихся от общественно-полезного труда и ведущих паразитический образ жизни», были по Указу от 2 июня 1948 г. выслены сроком на 8 лет в отдаленные районы страны. В результате всех проведенных мероприятий 62 единоличных хозяйства вступили в колхозы, 48 хозяйств «ликвидировались» в связи с переездом их из района, но все же 281 хозяйство оставалось еще единоличным. «Оставшиеся пока упорно по разным мотивам не хотят вступать в колхозы, — докладывал райком партии. — Большинство их престарелые и нетрудоспособные. Работа по вовлечению оставшихся единоличных хозяйств в колхозы продолжается» [1, ф. 1836. оп. 1. д. 21. л. 76; д. 24. л. 38; 2, ф. 1219. оп. 1. д. 1206. л. 153–154].

Гораздо раньше, 18 июля 1950 г. аналогичный отчет поступил из Пожеревицкого района. Райком ВКП (б) докладывал, что в начале июня было проведено совещание с председателями сельсоветов и секретарями парторганизаций, для ведения агитационно-массовой работы привлечен партийный, советский и комсомольский актив, командированный в сельсоветы и колхозы, во всех парторганизациях проведены собрания, на которых разработали практические меры по выполнению постановления обкома ВКП (б) и облисполкома. В итоге в колхозы вступили 48 единоличных хозяйств из 210, имевшихся в районе на 1 июня 1950 г. (в Никольском сельсовете — 28 из 76, в Сорокинском — 9 из 31, в Анкиповском — одно из 9), но к 15 июля 162 хозяйства оставались единоличными. «Из-за неправильного учета в сельсоветах и в отделе сельского хозяйства, — сообщал райком ВКП (б), — получилось искусственное увеличение единоличников в районе. В ряде сельсоветов (Пожеревицком, Сырковском, Сорокинском и др.) единоличными хозяйствами считали одиночек, престарелых, не имеющих личного хозяйства, которые должны числиться по данным ЦСУ как «прочее население». Многие из них из-за неимения личного хозяйства не облагались сельскохозяйственным налогом и госпоставками сельскохозяйственной продукции. Райисполком дал указание провести проверку и уточнить количество единоличных хозяйств... В настоящее время проводится работа по вовлечению оставшихся. Будут приняты все меры к тому, чтобы в 1950 г. в Пожеревицком районе не было ни одного единоличного хозяйства» [2, ф. 1219. оп. 1. д. 1207. л. 112–113].

Много путаницы с определением статуса хозяйств обнаружилось и в Дновском районе, где ряд граждан, числящихся единоличниками, работали в различных предприятиях и учреждениях — в МТС, сельпо, артели инвалидов, кооперативах и др.

«Кроме того, — сообщал райком партии, — в районе имеется 7 хозяйств инвалидов, проживающих на пенсии, 56 хозяйств престарелых, которые по старости не могут принимать участия в колхозных работах, и 15 из них нищенствуют, не имеют никакого имущества, 35 хозяйств одиночек, выбыло из района и вымерло 7 хозяйств. Таким образом, остаются 20 хозяйств, которые имеют основной источник средств существования от огородничества, скота, сбора дикорастущих. Три хозяйства из них работают в колхозах, но не являются членами сельхозартелей. Эти 20 хозяйств вполне могут вступить и быть принятыми в колхозы. То, что этого нет — недоработка райкома и райисполкома. В ближайшее время недостатки будут устранены. Все 100 хозяйств, указанных выше, базой для вовлечения в колхозы служить не могут» [2, ф. 1219. оп. 1. д. 1207. л. 114].

Несколько иным было положение в Ашевском районе, где единоличных хозяйств тоже было много, но районные организации вели работу по вовлечению их в колхозы и до 1950 г. «На 1 ноября 1949 г. в районе было 359 единоличных хозяйств, — констатировал райком ВКП (б), — большинство из них не занималось общественно-полезным трудом, а вело паразитический образ жизни, не имея постоянной работы. Райком партии повседневно проводил среди них разъяснительную работу. В ноябре 1949 г. была направлена бригада из работников партийного актива для проведения работы. В феврале и апреле проведены совещания с председателями колхозов, сельсоветов и секретарями парторганизаций. В июне 1950 г. райком направил 6 бригад во главе с ответственными работниками райкома и райисполкома для проведения массовой разъяснительной работы. В результате с 1 ноября 1949 г. по 20 июля 1950 г. 135 хозяйств вступили в колхозы, 90 хозяйств, большинство которых до войны были рабочими и служащими, в настоящее время выбыли из района и перешли работать в производство.

Недостатком является то, что райфо и Уполминзаг не вели надлежащей работы по обложению единоличных хозяйств налогами, некоторые сельсоветы и колхозы предоставляли единоличникам пастбища, дрова и др. (Полозовский сельсовет — колхоз «Успех»), отдел сельского хозяйства недостаточно проводил работу по ограничению их в землепользовании. Члены некоторых колхозов, на территории которых проживали единоличники, вынесли решения о выселении их по Указу 1948 г. в отдаленные районы — всего выселено 8 чел. единоличников. Но и после этого часть единоличников упорно сопротивляется вступлению в колхозы. На 20 июля 1950 г. в районе числится 134 единоличных хозяйства, с которыми ведется повседневная работа» [2, ф. 1219. оп. 1. д. 1207. л. 116–117].

Лядский райком ВКП (б) 5 октября 1950 г. сообщил, что в районе осталось всего 15 единоличных хозяйств, проживающих в колхозах — это «преимущественно престарелые и нетрудоспособные, имеющие в личном пользовании небольшие земельные участки и мелкий скот». Как и в других районах, здесь тоже провели проверку их землепользования, правильность налогообложения и др. «Райком и райисполком разбираются с каждым из оставшихся единоличных хозяйств», — добавил он в заключение [2, ф. 1219. оп. 1. д. 1207. л. 128].

Таким образом, несмотря на все предпринимаемые усилия (как агитационного, так и принудительного характера), полностью покончить с единоличными хозяйствами в Псковской области к концу 1950 г. не удалось, однако в следующем, 1951 г. их было почти втрое меньше, чем в предыдущем (таблица 1). Но судьба их была почти

полностью предрешена: прошло еще несколько лет, и единоличников не осталось вовсе. Колхозный сектор стал в сельском хозяйстве области безраздельно господствующим.

Источники и литература

1. Государственный архив Псковской области (ГАПО)
2. Государственный архив новейшей истории Псковской области (ГАНИПО)
3. Коллективизация сельского хозяйства в Северо-Западном районе (1927–1937 гг.): Документы и материалы. Л.: ЛГУ, 1970
4. Отчет Ленинградского областного исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов IV-му областному съезду Советов. Л.: Изд. Ленинградского облисполкома, 1935
5. Иванов Е. П. Коллективизация крестьянских хозяйств и ликвидация кулачества как класса на Северо-Западе РСФСР (1927–1937 гг.): Учебное пособие по спецкурсу. Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1983
6. Очерки истории Псковской организации КПСС. Л.: Лениздат, 1971
7. Петров Ю. П. Партизанское движение в Ленинградской области. 1941–1944 гг. Л.: Лениздат, 1973